

Древности эпохи раннего металла Восточной Европы

УДК 902.2 Ф 17

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.11.24>**ПОЛ, ВОЗРАСТ И СТАТУС В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ
НАСЕЛЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ¹**

© 2023 г. А.А. Файзуллин

В статье представлен анализ половозрастной структуры населения ямной культуры Волго-Уралья по данным погребального обряда. На основании данных по трудовым затратам и инвентарю, а также диспропорции в погребальном обряде в пользу мужского населения сделан вывод о существовании патриархальных установок в обществе ямной культуры. Небольшое количество захоронений женщин и детей позволяет предполагать, что курганный обряд предназначался только для индивидов с наследственным или приобретенным социальным статусом. По данным погребального обряда и инвентаря сделан вывод о том, что женщины наряду с мужчинами могли занимать важные производственные и административные позиции в обществе населения ямной культуры. Погребения детей и подростков позволяют предположить, что социальный статус и профессии родителей могли передаваться по наследству. О наследственном социальном статусе также свидетельствуют и парные погребения детей в том случае, когда они покоятся лицом к взрослым. Такое положение, видимо, свидетельствует о том, что дети участвовали в погребальном ритуале по праву рождения в социальной группе с высоким статусом. Другой вид обращения с детьми в парных погребениях позволяет предположить существование обряда, когда в могилу взрослым помещали человеческую жертву (ребенка).

Ключевые слова: археология, ямная культура, пол, возраст, статус, половозрастная структура, социализация, социальная структура.

**GENDER, AGE AND STATUS IN THE BURIAL COMPLEXES
OF THE YAMNAYA CULTURE POPULATION
OF THE VOLGA-URAL REGION²**

A.A. Faizullin

The paper presents an analysis of gender–age pattern of the Yamnaya culture population of the Volga-Ural region according to the burial rite data. Based on the data on labor costs and inventory, as well as the disproportion in the burial rite in favor of the male population, a conclusion is made about the existence of patriarchal relations in the Yamnaya culture society. The small number of female and children burials suggests that the barrow rite was intended only for individuals with hereditary or acquired social status. According to the burial rite and goods, it was concluded that women, equally with men, could occupy important production and administrative positions in the Yamnaya culture society. Burials of children and adolescents suggest that the social status and occupations of their parents could be inherited. The hereditary social status is also evidenced by twin burials of children when they were buried facing adults. Such situation probably indicates that children participated in the burial ritual by birthright in a social group with a high status. Another type of treatment of children in twin burials suggests the existence of a ritual when a human sacrifice (child) was placed in the burial of adults.

Keywords: archaeology, Yamnaya culture, gender, age, status, gender–age pattern, socialization, social structure.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

² The work was supported by the RNF grant No. 23-68-10006 "Ethnic–cultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals".

Анализ половозрастной структуры общества актуален для изучения социальной организации населения ямной культуры Волго-Уралья. Такой анализ является начальным этапом для решения проблем реконструкции социальной структуры общества (Массон, 1976, с. 56). Половозрастной фактор в первобытном обществе является одним из основных принципов организации общественной системы. В данной системе структурообразующими компонентами выступают иерархически соподчиненные половозрастные группы. Для их определения существенным является уровень трудовых затрат, состав погребально-инвентаря, сопровождающего индивидов разного пола и возраста, его функциональное отличие (Иванова, 2001, с. 123, Моргунова, Файзуллин 2018, с. 35).

В первобытном обществе возраст и пол являются ключевыми элементами социализации. Каждой возрастной группе соответствуют определенные права, обязанности, поведенческие нормы и т. д. Переход/инициация из одной возрастной категории в другую связан с накоплением богатства и/или повышением социального статуса (Бочаров, 2001, с. 48–50).

Исследования по половозрастной структуре ямного общества Волго-Уралья удалось провести благодаря открытию новых памятников ямной культуры и их изучению с применением комплексного археологического метода – антропологии и других естественных наук.

Для определения уровня трудовых затрат использована классификация (Моргунова, Файзуллин, 2018), а к социально-значимым маркерам отнесены орудия труда, оружие из меди (Faizullin, 2019) и украшения (Файзуллин, 2020).

На территории Волго-Уралья антропологический анализ проведен для 243 погребений ямной культуры, которые отражают все основные возрастные категории: подростки и дети с рождения до 16 лет; возмужалый от 20 до 35 лет; зрелые от 30 до 50 лет; старческие – 50 лет и старше (Яблонский, Хохлов, 1994, с. 116; Хохлов, 2003, с. 275; Хохлов, Газимзянов, Фризен, 2005, с. 105–112; Хохлов, 2010, с. 133).

Из 398 погребений ямной культуры Волго-Уралья 329 захоронений принадлежат взрослым индивидам. В изученных антропологами 243 погребениях было определено: 124 мужских, 50 женских, 69 детских и подростковых костяков. Представленные выше данные свидетельствуют о наличии диспропорции, во-первых, в пользу взрослого населения, а во-вторых, мужского населения (Файзуллин, 2020). Поэтому половозрастной анализ не отражает общей демографической картины, что подтверждается исследованием антропологов (Громов, Хохлов, 2018, с. 85).

Погребения мужчин

Из 124 мужских погребений: 12 возмужалой, 62 зрелой, 23 старческой возрастной

Таблица 1. Трудовые затраты и престижный инвентарь в погребениях половозрастных групп
Table 1. Labor costs and prestigious inventory in burials of sex and age groups

Половозрастные категории / трудовые затраты и инвентарь	1А	1Б	2А	2Б	3А	3Б	Орудия труда и оружие из меди	Украшения	Керамика	Всего
Мужчины возмужалого возраста	1	1	6	4	—	—	3	—	3	12
Мужчины зрелого возраста	22	7	15	14	1	3	12	3	8	62
Мужчины старческого возраста	6	1	7	9	—	—	5	—	5	23
Мужчины (возраст не определен)	11	1	13	1	—	1	6	—	10	27
Женщины возмужалого возраста	8	—	7	1	—	—	1	1	3	16
Женщины зрелого возраста	5	3	5	2	—	—	2	4	3	15
Женщины старческого возраста	3	1	4	2	—	—	3	3	1	10
Женщины (возраст не определен)	3	—	6	0	—	—	2	—	2	9
Дети и подростки	25	5	29	7	1	—	3	8	27	69

категории, а в 27 погребениях возраст захороненных мужчин не определен (табл. 1).

Трудовые затраты на совершение захоронений мужчин возмужалой возрастной категории невысокие: два захоронения относятся к группе 1, тип А, одно – к группе 1, тип Б, семь – к группе 2, тип А, и три погребения относятся к группе 2, тип Б. Дополнительные конструктивные элементы в погребальных камерах представлены посыпкой охрой, мелом, подстилкой и покрывалом. Инвентарь встречен в восьми погребениях и представлен фрагментами сосудов в четырех погребениях, каменными пестами в двух погребениях, медным ножом, шилом, а также куском железной руды.

В то же время в некоторых захоронениях групп 2, тип А, и 2, тип Б, предназначенных для представителей возмужалого возраста, встречен престижный инвентарь из меди (Орловка I 2/2, Скворцовка 7/1, Скворцовка 5/4). Этот факт позволяет выделить отмеченные погребения из числа рядовых в данной возрастной группе.

Для мужчин зрелого возраста характерны самые многочисленные и разнообразные по размерам насыпи. В выборке 62 захоронения. Курганы и погребения зрелых мужчин отличаются высокими трудовыми затратами на возведение насыпи и на обустройство погребальных камер. Насыпи и погребения, соотносящиеся с группой 1, тип А, были обнаружены в 22 случаях. В погребениях встречается престижный инвентарь из меди (медный молот, медные ножи и шилья), а также сосуды, изделия из камня и кости. Данный инвентарь в погребении выступает индикатором социальной роли мужчин зрелого возраста при жизни. Особенно в погребениях мужчин с медными орудиями труда в КМ Увак 12/4 (рис. 1: 10–12) (Моргунова, Кравцов, 1984, с. 39) и оружием в КМ Кутулук 4/1 (рис. 1: 13) (Кузнецов, 2002, с. 87–95).

Погребения зрелых мужчин группы 1, тип Б, найдены в семи случаях. Инвентарь обнаружен только в одном захоронении и представлен наконечником стрелы из мела.

Погребения, соотносящиеся с группой 2, тип А, найдены в 15 случаях. Инвентарь обнаружен в шести погребениях. Он представлен керамикой в шести случаях, четырехгранными шильями из меди в двух захоронениях, а также встречаются костяные изделия – буси-

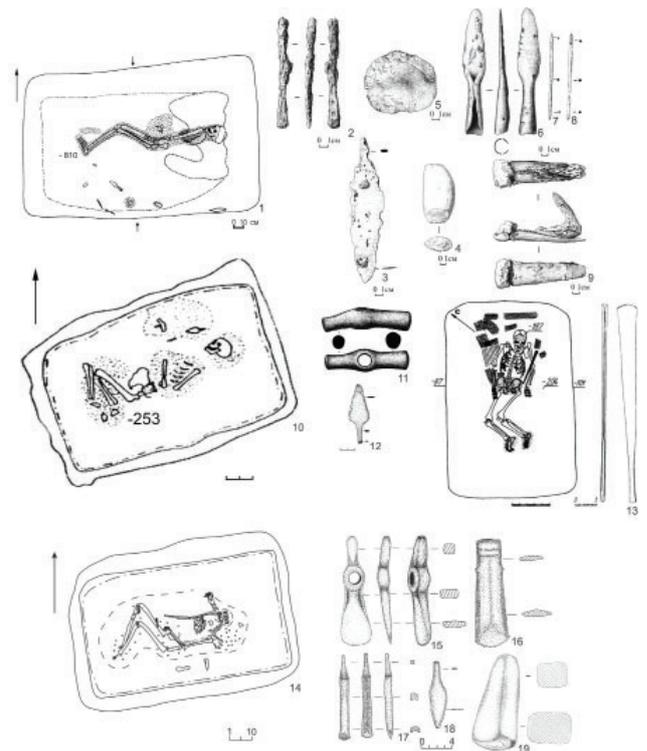

Рис. 1. Погребения мужчин зрелого возраста ямной культуры Волго-Уралья: 1–9 – курганный могильник Болдырево 1/1; 10–12 – КМ Увак 12/4; 13 – КМ Кутулук 4/1; 14–19 – КМ Барышников 6/3.

Fig. 1. Burials of mature age men of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region: 1–9 – Boldyrevo barrow field 1/1; 10–12 – Uvak barrow field 12/4; 13 – Kutuluk barrow field 4/1; 14–19 – Baryshnikov barrow field 6/3.

на, роговая булавка и изделия из кремня – куски кремня и наконечники стрел.

Курганы с погребениями мужчин группы 2, тип Б, представлены 14 комплексами. Инвентарь обнаружен в шести захоронениях: керамические сосуды, кремневые и медные изделия. Большие насыпи и пышно украшенные глубокие погребальные камеры являются свидетельством высокого социального статуса погребенных мужчин. Два погребения мужчин зрелого возраста относятся к группе 3А. Это захоронения в КМ Красносамарское I 1/2 (Васильев, Кузнецов, 1988, с. 40), КМ Орловка I 1/1 (Овчинникова, Фадеев, 2007, с. 24). В погребении был обнаружен инвентарь: медное шило и костяные тупики.

Особый интерес вызывают погребения зрелых мужчин в больших курганах, которые соотносятся с группой 3, тип Б. Курганы данной группы были обнаружены в трех случаях. В погребении КМ Грачевка 1/1 было найдено погребение мужчины 40–45 лет, на черепной коробке которого была травма от

удара топором-молотом (Богданов, 2000, с. 25).

В КМ Болдырево 1/1 также было обнаружено погребение мужчины зрелого возраста. В декорированной органикой камере сложной конструкции лежал костяк погребенного на правом боку головой на восток (рис. 1: 1–9). В захоронении был найден богатый и уникальный инвентарь (Моргунова, 2000, с. 58).

Уникальным захоронением можно назвать и погребение в КМ у хутора Барышников 6/3 (Моргунова, Турецкий, 2008, с. 4). В большой и глубокой погребальной камере было обнаружено погребение взрослого мужчины с набором престижного инвентаря (рис. 1: 14–19).

Погребения зрелых мужчин в захоронениях 3 типа Б, видимо, принадлежали к лицам, занимавшим высокий социальный статус. Это доказывают такие признаки: захоронения в больших курганах и богато украшенных камерах сложной конструкции, наборы престижного инвентаря.

На территории Волго-Уралья было найдено 23 погребения мужчин старческого возраста. Захоронения также различаются размерами насыпей и конструкциями могил. Небольшие насыпи и погребения группы 1, тип А, обнаружены в шести случаях. Инвентарь был найден в трех захоронениях, он представлен керамическими изделиями, медным ножом, биметаллическим разметчиком, сланцевой пластиной, четырехгранным шилом с упором, втульчатый медным долотом, медным плоским теслом, медным ножом, проушным медным топором.

Погребение, которое соотносится с группой 1, тип Б, в этой возрастной категории было найдено в одном случае, а захоронения группы 2, тип А, были обнаружены в семи случаях. Мужчин старческого возраста, так же как и мужчин зрелого возраста, хоронили в больших курганах и погребальных камерах усложненной конструкции (группы 2, тип Б). Курганы и погребения группы 2, тип Б, были найдены в девяти случаях. В двух погребениях присутствовал инвентарь, который представлен медным проушным топором-клевцом в КМ Нижняя Павловка 1/2 (рис. 2: 1–2) и фрагментами сосудов в КМ Нижняя Павловка 3/2 (Богданов, Кравцов, Моргунова, 1992, с. 82). Особое положение в данной возрастной категории занимает погребение в КМ Пятилетка 5/2 (рис. 2: 3–5), насыпь и конструкция могилы которого соотносятся с группой 2Б,

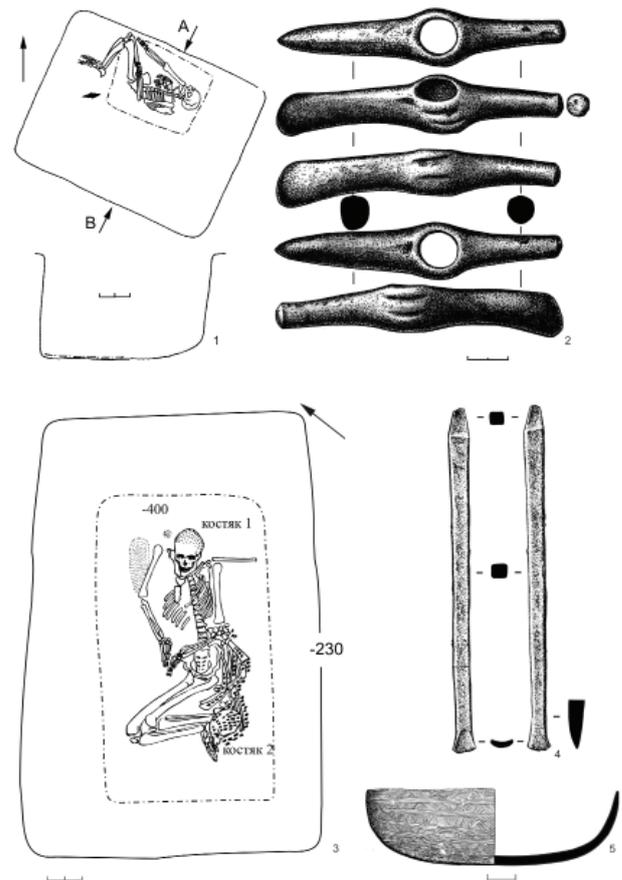

Рис. 2. Погребения мужчин старческого возраста ямной культуры Волго-Уралья: 1–2 – КМ Нижняя Павловка 1/2; 3–5 – КМ Пятилетка 5/2.

Fig. 2. Burials of old men of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region: 1–2 – Nizhnyaya Pavlovka barrow field 1/2; 3–5 – Pyatiletka barrow field 5/2.

богатое оформление погребения, забутовка придонной части ямы, плотницкий инвентарь, положение у ног жертвы-подростка, а также помещение в насыпь жертвенной чаши с человеческими останками.

Женские погребения

Из 50 погребений женщин: 16 возмужалой, 15 зрелой, 10 старческой возрастной категории, а в 9 погребениях возраст захороненных женщин определить не удалось (табл. 1).

Большая часть курганов и погребений молодых женщин соотносится с группой 1, тип А (8 погребений из 16). Инвентарь был обнаружен в пяти погребениях. В КМ Гвардейцы II 1/2 – сосуд (Крамарев, Мышкин, Турецкий, 2002, с. 105), а в КМ Тамар-Уткуль VIII 3/1 – галька белого цвета (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 22).

Интересно, что в комплексе 4/2 Герасимовка II, где были захоронены черепа, один принадлежит женщине 25–30 лет (рис. 3:

1–13). В захоронении обнаружен богатый инвентарь. Сложно определить принадлежность предметов в парном погребении, но нахождение черепа в комплексе с предметами культа является прямым свидетельством участия женщин в религиозной сфере общества.

Погребения молодых женщин также были найдены в крупных насыпях в КМ Курманаевский III 1/2 (Богданов, 1999, с. 13) и Тамбовка 2/2 (Турецкий, 1999, с. 140). Однако центральные погребения под этими курганами являлись мужскими, а женские находились на периферии.

Экстраординарным можно назвать погребение молодой женщины в КМ Тамар-Уткуль VII 3/2. Трудовые затраты на погребение соотносятся с группой 2, тип Б. В погребении обнаружен престижный производственный инвентарь: небольшое долото, два фрагмента такого же долота, железистая конкреция (рис. 3: 16). Трудовые затраты и производственный инвентарь указывают на высокий социальный статус погребенной.

Наблюдается различие и в способах погребения женщин зрелого возраста. Обнаружены погребения женщин в больших курганах. В КМ Уваровка 2/2 насыпь и погребальная камера соотносятся по размерам с группой 2, тип Б. В погребении женщины 40–45 лет был найден разнообразный инвентарь (рис. 3: 17). Украшения: кольцо из серебра, медная подвеска, орудие мастера – тесло, воинский арсенал – кремневые наконечники стрел и сосуд (Кузьмина, Михайлов, Фадеев, 2003, с. 198–216).

Большинство погребений зрелых женщин были найдены и под небольшими насыпями. Обнаружено три погребения, которые по размерам соотносятся с группой 1, тип Б, но в погребении присутствует инвентарь, который представлен украшениями (створки раковин, костяные булавки, железное кольцо в полтора оборота) и предметами из меди (медный нож).

Большинство погребений (5 из 15) женщин зрелого возраста соотносятся с группой 1, тип А. Инвентарь присутствовал лишь в двух захоронениях и представлен украшениями из кости (костяными булавками и обоймой).

Женщины старческой возрастной группы также обнаружены в курганах и могилах различных размеров. В небольших курганах, соотносящихся своими размерами с группой 1А и 1Б, обнаружены четыре захоронения.

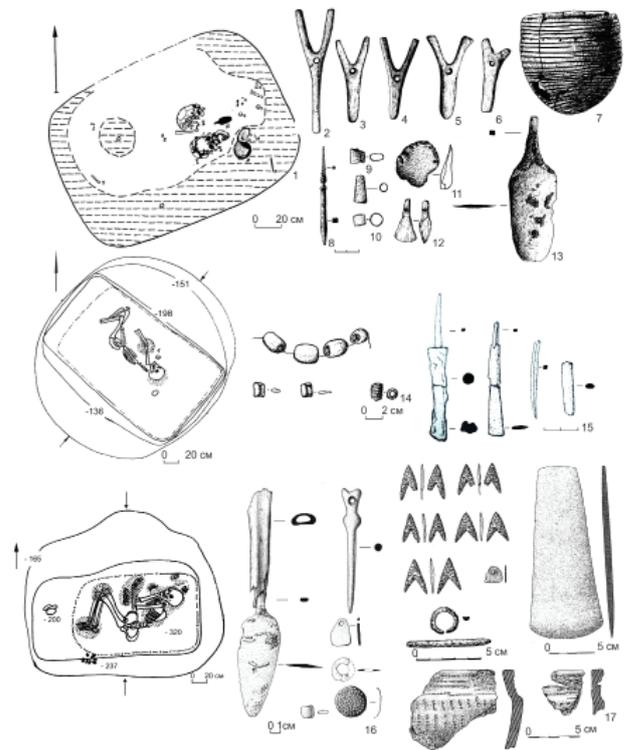

Рис. 3. Погребения женщин ямной культуры Волго-Уралья: 1–13 – КМ Герасимовка II 4/2; 14 – КМ Тамар-Уткуль VII 6/1; 15 – КМ Тамар-Уткуль VII 3/2; 16 – КМ Тамар-Уткуль VII 3/2; 17 – КМ Уваровка 2/2.

Fig. 3. Burials of women of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region: 1–13 – Gerasimovka II barrow field 4/2; 14 – Tamar-Utkul VII barrow field 6/1; 15 – Tamar-Utkul VII barrow field 3/2; 16 – Tamar-Utkul VII barrow field 3/2; 17 – Uvarovka barrow field 2/2.

Инвентарь присутствовал в двух погребениях. В одном из них, в КМ Тамар-Уткуль VII 6/1 (рис. 3: 14) (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 16), обнаружены украшения (четыре бусины, подвеска в четыре оборота из медной проволоки и четыре медных обоймы).

Захоронения женщин старческого возраста в больших курганах группы 2, тип А, были обнаружены в четырех случаях. Интерес здесь вызывает погребение в КМ Тамар-Уткуль VII 1/1, так как данное погребение женщины было основным и единственным погребением в кургане. Это самый большой курган, построенный в Волго-Уралье для захоронения женщины. Инвентарь, который был найден рядом с пожилой женщиной, состоял из медного ножа, кварцитового отщепка и украшений (костяной булавки, медной бляшки, костяной подвески, кольца из кости и четырех медных обойм (рис. 3: 16). Наряду с этим в данном комплексе найдены каменные орудия труда (наковальня, пест для дробления

руды и кузнечный молоток), трасологический анализ которых показал, что они применялись для металлообработки (Моргунова, Горашук, Файзуллин, 2022, с. 20).

Неординарное захоронение было обнаружено в КМ Скворцовка б/1. Оно было совершено в широкой и глубокой яме с забутовкой. В первом ярусе заполнения ямы были обнаружены развал сосуда, череп, кости рук, альчик барана. На дне ямы вместе со скелетом найдены медное шило, медная руда, раковина каури (Моргунова и др., 2010, с. 55).

Погребения детей и подростков

Дети и подростки обнаружены в 69 погребениях, что составляет 17% от общего числа могил. Из них 43 являются самостоятельными одиночными захоронениями (в том числе 15 погребений – основные и центральные в курганах), 4 парных детских, 8 погребений детей с женскими костяками, 9 детских с мужскими, а 5 – погребения со взрослыми, где пол не определен. Детские захоронения чаще встречаются в курганах небольшого размера в небольших и неглубоких ямах (группа 1, тип А). Инвентарь был найден в 35 погребениях. Керамические изделия в погребениях детей были обнаружены в 15 случаях. Большинство из них находилось рядом с черепами младенцев. Наряду с керамикой в детских и подростковых могилах присутствовали медные (рис. 4: 1–14) и каменные орудия (песчаниковая плитка, медный нож, шило из меди) и украшения из меди (тонкий браслет, ожерелье, пронизки из пластинок, овальные подвески).

Весьма интересен обряд в парных погребениях детей и детей и подростков. Это комплексы Увак 5/6, Тамар-Уткуль VIII 5/1, Болдырево IV 1/4. В КМ Увак 5/6 в погребении обнаружен костяк подростка, который лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток (рис. 4: 1–2). У юго-западной стенки могилы лежали частично истлевшие и интенсивно окрашенные кости младенца. В его ногах находился неорнаментированный керамический сосуд (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 35). В КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1 в засыпи могилы обнаружены два скопления речных галек (23 шт.), несколько ниже – крупный необработанный камень и 12 таких же галек (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 28). Дно ямы было посыпано охрой. На посыпке лежало два детских костяка. Костяк № 1 (ребенок 10 лет) лежал скорченно на правом боку, головой

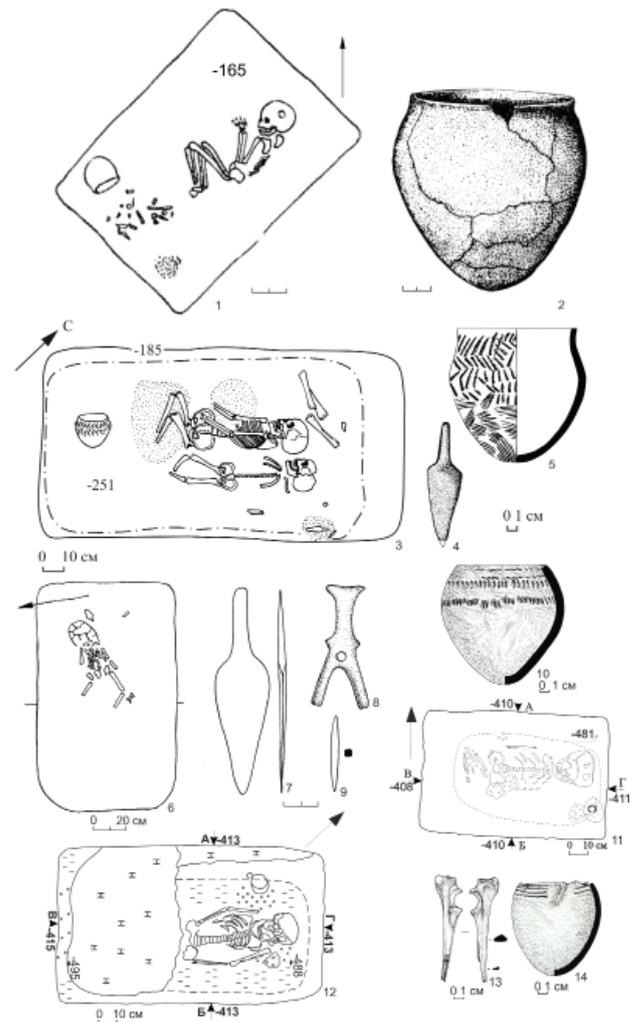

Рис. 4. Погребения детей ямной культуры Волго-Уралья: 1–2 – КМ Увак 5/6; 3–5 – КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1; 6–9 – КМ Покровка 17/1; 10–11 – КМ Болдырево 4 1/3; 12–14 – КМ Болдырево 4 1/4.

Fig. 4. Burials of children of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region: 1–2 – Uvak barrow field 5/6; 3–5 – Tamar-Utkul VIII barrow field 5/1; 6–9 – Pokrovka barrow field 17/1; 10–11 – Boldyrevo 4 barrow field 1/3; 12–14 – Boldyrevo 4 barrow field 1/4.

на СВ с вытянутыми вдоль туловища руками. Кости посыпаны охрой. Костяк № 2 (ребенок 5 лет) лежал позади костяка № 1 скорченно на спине, головой на СВ. У костяка 1 обнаружен инвентарь: овальная подвеска в два оборота из округлой в сечении медной проволоки, медный нож с листовидным лезвием, медное четырехгранное шило. У черепа костяка № 2 лежала медная подвеска в полтора оборота из округлой в сечении медной проволоки. Также в могиле был найден раздавленный глиняный сосуд (рис. 4: 3–5). Междисциплинарные исследования одиночных детских подкурганов захоронений в стратифицированном 1 кургане КМ Болдырево 4 (рис. 4: 10–14)

позволили выявить то, что дети (девочки) были удостоены погребению под курганом, несмотря на серьезные заболевания (онкология и цинга) и независимо от гендера (Моргунова и др., 2022, с 58). Данный факт позволяет предполагать существование наследственного социального статуса у населения ямной культуры Волго-Уралья.

На территории Волго-Уралья найдено девять погребений подростков. Насыпи курганов небольшие, как и в погребениях детей. Особый интерес представляет инвентарь в КМ Першин 1/4, где находился скелет подростка мужского пола (12–13,5 лет) с двустворчатой литейной формой для втульчатого топора, положенной у левого виска (рис. 5: 1–2). Анализ двигательной активности индивида позволил выявить деформации, свидетельствующие о том, что он был связан с металлургическим производством (Черных и др., 2000, с. 65).

Наряду с одиночными погребениями интерес вызывают и парные погребения детей, подростков и взрослых индивидов. Всего парных погребений 24. Парных погребений мужчин и детей – 9, женщин и детей – 8, детей и взрослых (пол не определен) – 5, коллективных (мужчина, женщина, ребенок) – 2. В ямной культуре Волго-Уралья отмечаются полярные подходы к месту ребенка и подростка в парных погребениях с взрослыми индивидами. Зафиксировано два обряда. Первый – это положение ребенка в ногах или за спиной у взрослого индивида. Второй – это положение ребенка лицом к взрослому индивиду или в положении «рядом»/«на руках».

Положение ребенка в ногах или за спиной у взрослого индивида отмечено в КМ Пятилетка К3, К5 (Богданов, Кравцов, Моргунова, 1992, с. 80), КМ Преполовенка (Багаутдинов, Пятых, 1987, с. 60), КМ Малокизильский, (Сальников, 1962, с. 45), В КМ Утевский I 2/1 (рис. 5: 3–6). (Васильев, 1980, с. 35), Шумаево II 6/6 (Моргунова и др., 2003, с. 30). Судя по положению детей в могиле, можно сделать вывод, что дети в погребальном ритуале выступали в роли жертвоприношения для взрослых индивидов, которые были представителями элиты общества. Об этом свидетельствуют высокие трудовые затраты на совершение погребального ритуала (сооружение курганной насыпи и погребальной камеры), а также социально-престижный инвентарь.

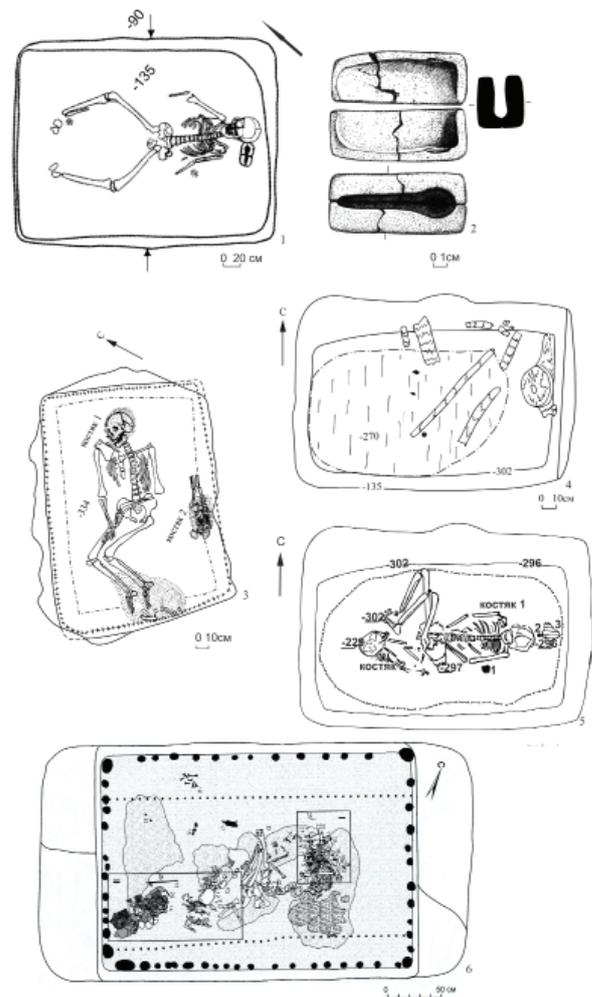

Рис. 5. Одиночные и парные погребения детей, подростков и взрослых индивидов: 1–2 – КМ Першин 1/4; 3 – КМ Пятилетка 3/1; 4–5 – Шумаево II 6/6; 6 – КМ Утевский I 2/1.

Fig. 5. Single and twin burials of children, adolescents and adults: 1–2 – Pershino barrow field 1/4; 3 – Pyatiletka barrow field 3/1; 4–5 – Shumayevo II 6/6; 6 – Utevka I barrow field 2/1.

Можно, конечно, предположить патриархальную традицию такого обряда, но дети в положении у ног встречались и в женских погребениях Шумаево II 6/6 (рис. 5: 4–5).

Положение ребенка лицом к взрослому индивиду обнаружено в одиночном Шумаевском кургане (Моргунова и др., 2003, с. 11) (рис. 6: 1, 2); в двух погребениях КМ Паницкое 6Б/6 и 6Б/7 были найдены погребения мужчины и ребенка, женщины и ребенка (рис. 6: 3–4) (Мимоход, 2009, с. 48) в КМ Калиновский 8/28 и 10/9 (Шилов, 1959, с. 325), в КМ Николаевка III 2/1, 3/1/2, в Полудни II 2/17 (рис. 6: 6–8).

Таким образом, сопоставляя данные, полученные при анализе уровня трудовых затрат

и погребального инвентаря, следует отметить ряд особенностей половозрастной стратификации ямного общества, отраженной в погребальном обряде. Первой и самой важной особенностью является то, что, по данным погребального обряда, существует половозрастная диспропорция в пользу мужского населения. Такая традиция зафиксирована во многих регионах распространения ямной культуры. В Северо-Западном Причерноморье (Иванова, 2001, с. 123), Восточной Венгрии (Ecsedy, 1979, с. 90), на территории Днепр-Пруто-Дунайского междуречья (Яровой, 2006, с. 117). Эти факты подтверждают особую роль мужчин и в других вариантах ямной культуры. Погребения мужчин также характеризуются высоким уровнем трудовых затрат (30 погребений из 124 относятся к группе 2 и 3 типа Б и являлись основными захоронениями под курганом) и отличаются большим количеством производственного инвентаря, что говорит о высокой роли данных индивидов в обществе и об их роли в производстве. Важно то, что среди мужских погребений есть существенные различия, касающиеся размеров курганов и престижного инвентаря во всех возрастных группах. Среди возрастных групп мужчин имелись существенные различия. Чаще в небольших курганах и безынвентарных погребениях хоронили молодое поколение мужчин. А погребальный обряд мужчин зрелого и старческого возраста отличался престижным производственным инвентарем и вооружением, а также дополнен большими трудовыми затратами. Видимо, это связано с тем, что взрослые мужчины имели высокий уровень социальной значимости – ранг, что могло быть связано с заслугами/ролью людей в производственной, военной или административной сфере общества племен ямной культуры.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что ямное общество по своей сути было патриархальное. Особую роль мужчин отмечает также С.В. Иванова. Она считает, что мужчины занимали высокое место в социальной иерархии, причем почти с детского возраста (Иванова, 2001, с. 138). По мнению С.Н. Корневского, оружие в культурах медно-бронзового века традиционно связано с погребальным обрядом мужчин.

Погребений женщин обнаружено значительно меньше, чем мужских. Именно поэто-

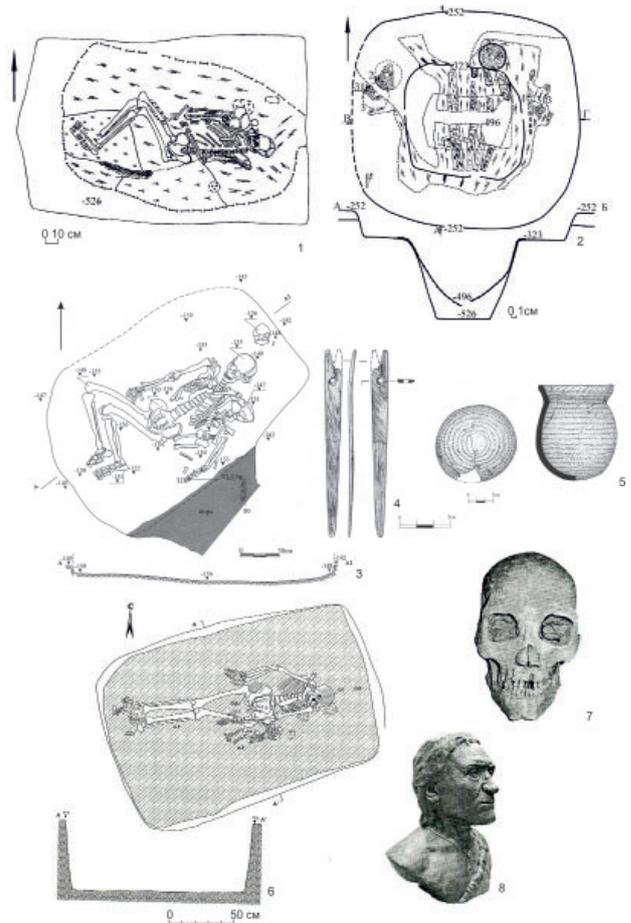

Рис. 6. Парные погребения детей и взрослых индивидов: 1–2 – одиночный курган Шумаево II/2; 3–5 – КМ Паницкое 6Б/6; 6–8 – Полудни II 2/17.

Fig. 6. Twin burials of children and adults: 1–2 – single barrow Shumayevo II/2; 3–5 – Panitskoye barrow field 6B/6; 6–8 – Poludni II 2/17.

му можно предположить, что курганный обряд предназначался для женщин с наследственным или приобретенным социальным статусом. В захоронениях женщин наблюдаются различия по трудовым затратам и инвентарю среди всех возрастных групп. Это значит, что даже в погребениях женщин зрелого и старческого возраста встречается престижный производственный инвентарь и высокие трудовые затраты на совершение погребального ритуала. Это подтверждается погребением молодой девушки в Тмар-Уткуль VII 3/2 (рис. 3: 15). В то же время количество захоронений женщин зрелого и старческого возраста с большими трудовыми затратами сравнительно больше, а в погребениях встречаются предметы ритуального характера – костяные булавы. Вероятно, это свидетельство того, что различия между ними наблюдаются в соответствии с возрастом и социальной ролью в обществе

либо принадлежностью к социальной группе, возможно наследственной. К аналогичному выводу на материалах Поднепровья пришла З.П. Марина (Марина, 1997, с. 16). Она выделяет погребения женщин взрослых или старческого возраста с предметами культа и делает предположение, что выполнять данные религиозные функции могли только старшие женщины в общине. Аналогии подобным погребениям известны в Северном Причерноморье, где выделяют захоронения женщин-жриц, маркированных антропоморфными стелами (Ковалева, 1989, с. 11).

Важно отметить малочисленность женских погребений в курганах. Данный факт подтверждает предположения о наличии других видов посмертных обращений, еще не обнаруженных археологами (Кузнецов, 2003, с. 46).

Небольшое количество погребений детей в курганах, видимо, не отражает реальной демографической картины в раннем бронзовом веке. В первобытных культурах детская смертность была высокой (Громов, Хохлов, 2018, с. 85). Вероятно, обряд погребения детей и подростков под курганами был избирательным и предназначался для детей с наследственным социальным статусом. Небольшие трудовые затраты, возможно, связаны с возрастом погребенных. Но в детских захоронениях инвентарь (в том числе социально престижный) встречается чаще, чем у взрослых, позволяет считать эти погребения социально значимыми. По данным Днепровского Предстепья, И.Ф. Ковалева приводит частые случаи возведения насыпей над основными индивидуальными детскими погребениями (Ковалева, 1998, с. 38). О наследовании детьми социального статуса с рождения пишет и З.П. Марина, основываясь на материалах КМ Терны 9/10 (Марина, 1997, с. 16). Схожую точку зрения выдвигает С.В. Иванова, считая,

что уже в самом раннем возрасте детьми наследовался статус социальной группы, к которой они принадлежали по рождению (Иванова, 2001, с. 135). Такое предположение, по мнению С.Н. Кореневского, основано на общей закономерности права в древних обществах, при которых родственная наследственность была важной основой для занятия высокого социального ранга или власти, вплоть до власти вождя (Кореневский, 2017, с. 48).

Погребение подростков с производственным инвентарем связано с участием данных погребенных в производственной деятельности. Также можно предположить, что ремесленная специальность родителей могла передаваться по наследству, по мере достижения человеком опыта в том или ином деле.

В работе С.В. Федяева отмечается, что наличие в погребениях детей на территории Украины таких игрушек, как люльки-колыбели и кибитки-повозочки, могут служить доказательством того, что дети бронзового века часто наследовали профессии своих родителей (Федяев, 2001, с. 40).

О наследственном социальном статусе также свидетельствуют и парные погребения детей в том случае, когда они покоятся лицом к взрослым. Такое положение, видимо, свидетельствует о том, что дети участвовали в погребальном ритуале по праву рождения в социальной группе с высоким статусом.

Другой вид обращения с детьми в парных погребениях позволяет предположить существование обряда, когда в могилу взрослым помещали человеческую жертву (ребенка). Исходя из этого, можно сделать вывод, что дети могли наследовать социальный статус и социальные функции своих родителей, а также могли участвовать в ритуальной практике общины в качестве жертвы при захоронении взрослых индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

- Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г.* I группа у села Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 55–67.
- Богданов С.В.* Древнеямный некрополь в окрестностях села Грачевка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С. 11–27.
- Богданов С.В.* Курганы начала бронзового века в окрестностях села Курманаевки // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1999. С. 12–19.
- Богданов С.В., Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л.* Курганы древнеямной культуры в левобережье реки Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. А.Т. Синюк. Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 80–91.

- Бочаров В.В.* Антропология возраста. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. 104 с.
- Васильев И.Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени ус. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВГПИ, 1980. С. 32–59.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Полтавкинские могильники ус. Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 35–59.
- Громов А.В., Хохлов А.А.* Половозрастная структура погребенных в могильниках ямной культуры раннебронзового века Поволжья и Приуралья // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 78–86.
- Иванова С.В.* Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.
- Ковалева И.Ф.* Мир детства ямных племен Предтепья // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 1 / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1998. С. 37–47.
- Корневский С.Н.* Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V-IV тысячелетия до н.э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: Таус, 2017. 284 с.
- Корневский С.Н.* Феномен детских погребений с оружием в эпоху медно-бронзового века // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2017. С. 41–49.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А.* Курганный могильник Гвардейцы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: САМ НЦ РАН, 2002. С. 101–122.
- Кузнецов П.Ф.* Военские символы из погребений ямной культуры ямных племен Самарского Поволжья // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002. С. 87–95.
- Кузнецов П.Ф.* Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СамГПУ, 2003. С. 43–51.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г.* Уваровский курганный могильник // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 198–216.
- Марина З.П.* Ямные погребения Днепровского Левобережного Предтепья с металлическими украшениями // Проблемы истории и археологии Украины / Отв. ред. В.И. Кадеев. Харьков: Бизнес информ, 1997. С. 15–16.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.
- Моргунова Н.Л.* Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2000. С. 55–62.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Халяпин М.В., Хохлова О.С.* Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А.* Курганная группа у хут. Барышниково // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Печатный дом "Димур", 1998. С. 3–16.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А.* Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus. 2018. № 2. С. 35–60.
- Моргунова Н.Л., Горащук И.В., Файзуллин А.А.* Результаты трассологического анализа каменных и костяных орудий Турганинского поселения // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 11–31.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Четкина О.Ю., Медникова М.Б.* Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 2. С. 49–59.

Овчинникова Н.В., Фадеев В.Г. Итоги изучения курганного могильника ямной культуры Орловка I // Самарский край в истории России: мат-лы межрег. науч. конф., посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. Вып. 3. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2007. С. 24–33.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 16–58.

Турецкий М.А. Курган 2 у села Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в степное Заволжье) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1999. С. 135–144.

Файзуллин А.А. К вопросу о диспропорции половозрастных групп в погребальном обряде ямной культуры Волго-Уралья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 349–351.

Файзуллин А.А. Украшения в погребальной обрядности носителей ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости в обществе кочевников эпохи ранней бронзы // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 100–116.

Федяев С.В. К вопросу о мире детства скотоводческих обществ бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: ХНУ. 2001. С. 38–40.

Хохлов А.А. Антропологический материал из погребений Шумаевских курганов Оренбуржья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. С. 275–292.

Хохлов А.А. Демографические процессы в северной половине Волго – Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: Рифей, 2010. С. 133–166.

Хохлов А.А., Газимьянов С.Ю., Фризен С.Ю. Антропологические материалы могильника Мустаево // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 105–112.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника у села Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2000. С. 63–84.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 11–38.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. С. 116–152.

Яровой Е.В. Ямная культура Днепро–Пруто–Дунайского междуречья // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 117–119.

Ecsedy I. The people of the pit-grave kurgans in eastern Hungary. Budapest, 1979. 122 p.

Airat Faizullin Metal items in the Volga-Ural Pit Grave culture burial rituals as indicator of the social significance of the buried person // Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 6th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 16–19 September 2019. P. 127–133.

Информация об авторе:

Файзуллин Айрат Асхатович, кандидат исторических наук, научный сотрудник археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); faizullin.airat@yandex.ru

REFERENCES

Bagautdinov, R. S., Pyatykh, G. G. 1987. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Povolzh'e (Archaeological Studies in the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 55–67 (in Russian).

Bogdanov, S. V. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: "Orenburgskaya guberniya" Publ. С. 11–27 (in Russian).

Bogdanov, S. V. 1999. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 3. Orenburg: "Dimur" Publ., 12–19 (in Russian).

Bogdanov, S. V., Kravtsov A. Yu., Morgunova, N. L. 1992. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepei (Ancient history of the Population of the Volga-Ural Steppes)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 80–91 (in Russian).

Bocharov, V. V. 2001. *Antropologiya vozrasta (Anthropology of age)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1980. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 32–59 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Kuznetsov, P. 1998. In *Issledovanie pamyatnikov arkheologii Vostochnoy Evropy (Research in Eastern Europe archaeological sites)*. Voronezh: Voronezh State University, 35–59 (in Russian).

Gromov, A. V., Khokhlov, A. A. 2018. In *Kunstkamera (Kunstkamera)* 1, 78–86 (in Russian).

Ivanova, S. V. 2001. *Sotsial'naya struktura naseleniya yamnoi kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Social Structure of the Population of the Yamnaya Culture in the North-Western Black Sea Region)*. Odessa: "Druk" Publ. (in Russian).

Kovaleva, I. F. 1998. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Issues of the Dnieper Region Archaeology)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 37–47 (in Russian).

Korenevskii, S. N. 2017. *Oruzhie v kompleksakh kul'tur nachala medno-bronzovogo veka (V–IV tysyachel'niya do n.e.). Ocherki voenizatsii drevnikh obshchestv po dannym arkheologii. Podunav'e, yug Vostochnoy Evropy, Kavkaz, Blizhnii Vostok (Weapons in the complexes of cultures dated back to the beginning of the Copper–Bronze Age (V–IV millennium BC))*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Korenevsky, S. N. 2017. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 13. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 41–49 (in Russian).

Kramarev, A. I., Myshkin, V. N., Turetsky, M. A. 2022. In Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 101–122 (in Russian).

Kuznetsov, P. F. 2002. In Munchaev, R. M. (ed.). *Problemy arkheologii Evrazii (Issues of the Archaeology of Eurasia)*. / Moscow: Institute of Archeology RAS, 87–95 (in Russian).

Kuznetsov, P. F. 2003. In *Material'naya kul'tura naseleniya basseyna reki Samary v bronzovom veke (Material culture of the population of the Samara River basin in the Bronze Age)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 43–51 (in Russian).

Kuz'mina, O. V., Mikhajlova, O. V., Fadeev, V. G. 2003. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 198–216 (in Russian).

Marina, Z. P. 1997. In Kadeev, V. I. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: "Biznes inform" Publ., 15–16 (in Russian).

Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnikh obshchestv (v svete dannykh arkheologii) (Economics and social structure of ancient societies (in the light of archaeological data))*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2009. *Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov (Barrows of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural-Chronological Attribution of the Complexes)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 55–62 (in Russian).

Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Kraeva, L. A., Meshcheryakov, D. V., Khalyapin, M. V., Khokhlova, O. S. 2003. *Shumaevskie kurgany (Shumayevo barrows)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Degtyareva, A. D., Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Salugina, N. P., Khokhlova, O. S., Khokhlov, A. A. *Skvortsovskiy kurgannyi mogil'nik (Skvortsovka barrow field)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

- Morgunova, N. L., Kravtsov, A. Yu. 1994. *Pamyatniki drevneyamnoi kul'tury na Ilike (Monuments of Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Morgunova, N. L., Turetsky, M. A. 1998. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 2. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 3–16 (in Russian).
- Morgunova, N. L., Faizullin, A. A. 2018. In *Stratum plus*. (2), 35–60 (in Russian).
- Morgunova, N. L., Gorashchuk, I. V., Faizullin, A. A. 2021. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 15. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 11–31 (in Russian).
- Morgunova, N. L., Faizullin, A. A., Chechetkina, O. Yu., Mednikova, M. B. 2022. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 50 (2), 49–59 (in Russian).
- Ovchinnikova, N. V., Fadeev, V. G. 2007. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii kraj v istorii Rossii: matly mezhreg. nauch. konf., posviashchennoi 120-letiiu so dnia osnovaniia Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia im. P. V. Alabina (Samara Region in the History of Russia: Proceedings of an Inter-regional Research Conference Dedicated to the 120th Anniversary of Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin)* 3. Samara: Regional Museum of Local Lore, 24–33 (in Russian).
- Sal'nikov, K. V. 1962. In Kuzeev, R. G., Sal'nikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 16–58 (in Russian).
- Turetsky, M. A. 1999. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 135–144 (in Russian).
- Faizullin A.A. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* I. Samara: Samara State Pedagogical University, 349–351 (in Russian).
- Faizullin, A. A. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 100–116 (in Russian).
- Fedyaev, S. V. 2001. In Sorochan, S. B. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 38–40 (in Russian).
- Khokhlov, A. A. 2003. In Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Kraeva, L. A., Meshcheryakov, D. V., Khalyapin, M. V., Khokhlova, O. S. *Shumaevskie kurgany (Shumayevo barrows)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 275–292 (in Russian).
- Khokhlov, A. A. 2010. In Kuznetsov, P. F. (ed.). *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots And Chariot's Drivers of Eurasian Steppes)*. Ekaterinburg, Samara, Donetsk: "Rifey" Publ., 133–166 (in Russian).
- Khokhlova, A. A., Gazim'yanov, S. Yu., Frizen, S. Yu. 2005. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 7. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 105–112 (in Russian).
- Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Lebedeva, E. Yu., Lun'kov, V. Yu. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 63–84 (in Russian).
- Shilov, V. P. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 11–38 (in Russian).
- Yablonsky, L. T., Khokhlov, A. A. 1994. In Morgunova, N. L., Kravtsov, A. Yu. *Pamyatniki drevneyamnoi kul'tury na Ilike (Monuments of Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 116–152 (in Russian).
- Yarovoi, E. V. 2006. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia iamnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Issues of Studying the Yamnaya Cultural and Historical Area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 117–119 (in Russian).
- Ecsedy, I. 1979. *The people of the pit-grave kurgans in eastern Hungary*. Budapest.

Airat Faizullin 2019. In *Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 6th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 16–19 September 2019.*, 127–133.

About the Author:

Fayzullin Airat A. Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Archaeological Laboratory of Orenburg State Pedagogical University. Sovetskaya Str., 19, Orenburg 460014, Russian Federation; faizullin.airat@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.